

Н.С. Зелезинская
Белорусский государственный университет

ШЕКСПИР: БИОГРАФИЯ С КОММЕНТАРИЯМИ

В статье предпринята попытка анализа трансформации биографии как жанра в последние десятилетия. Объектом исследования являются повторные биографии, позволяющие зафиксировать изменения в жанре. Автор отмечает тенденции к диалогичности, аллюзивности, вариативности, доказательности, узкоспециализации, фрагментаризации и ее преодолению, модальности недействительности, открытости, сочетанию историчности и детализации, уходу от ненадежного и эпатирующего нарратива, эксперименту в форме, но не в содержании, стиранию внутрижанровых границ. Основной силой, вызвавшей эти изменения, исследователю видится постмодернизм, который вкупе с сопутствующими ему течениями деконструктивизма, нового историзма и др. привнес в биографию ряд идей и техник, и переживание опыта постмодернизма в прошедшем по отношению к нему времени. Отсюда использование категориального аппарата постмодернизма как наиболее адекватного и перспективного в данной ситуации и подробное рассмотрение преломления теории смерти автора, детерриториализации, интертекстуальности, фрагментаризации, смешения жанров и других постмодернистских идей в биографии. В результате автор отмечает как широкое использование методологии постмодернизма, и особенно нового историзма, так и реверсное по отношению к ним движение, и возросшее внимание к традиционным характеристикам биографии. Материалом исследования послужили биографии Шекспира, как отечественных, так и зарубежных авторов, но основное внимание приковано к книге И.О. Шайтанова, которая ярко отображает важнейшие современные тенденции жанра, устанавливает его образец и демонстрирует перспективу его развития.

Биография, жанр, трансформация, постмодернизм, новый историзм, доказательность, Шекспир, проблема авторства.

Интерес к жанру биографии вырос в конце XX века и сохраняет ту же тенденцию в веке XXI, что заметно и по количеству издаваемых биографий, и по теоретическим работам, стремящимся охватить предмет, жанровую форму и методологию биографики [см. 25]. Как и другие востребованные литературные жанры, биография подвержена трансформации, высвечивает тенденции времени, способствует пониманию литературного и литературоведческого процессов, что предопределяет актуальность таких исследований.

Изменения внутри жанра особенно интересно проследить на примере повторных биографий. Повторные биографии являются одним из любопытных феноменов биографики, появляясь не только вследствие интереса к определенной личности, но и ввиду полемики (скрытой и явной) с предшествующими биографиями. Появление новой биографии, очевидно, провоцируется выявлением новых, ранее не известных фактов в количестве достаточном, чтобы претендовать на новый угол зрения и новое видение великого человека. Они пишутся как из научного интереса, так и в угоду «обществу, бурно воспринимающему попытки авторов развеять привычные мифы» [7, с. 228]. Причина более объективного характера зачастую кроется в устаревшем подходе первого жизнеописания: многие биографии советских времен настолько проникнуты соответствующей идеологией, что делают книгу нечитабельной или, во всяком случае, непопулярной у современного реципиента. Очевидно, что автор каждой последующей биографии надеется, по меньшей мере, что его труд вытеснит

предыдущие из широкого круга чтения. Каких из вышеупомянутых причин достаточно, чтобы появившаяся новая биография завладела читателем? Насколько замысел последующих биографий завязан на уже существующих? Несомненно, делать вид, что перед вами – чистая доска, сегодня сродни невежеству или лицемерию. Постепенно вырисовывается ситуация, когда каждая последующая биография становится частью интертекста и, в силу компетентности и открытости автора, несет определенную нагруженность аллюзиями на своих предшественников, что, конечно, усложняет задачу биograфа, но обогащает читателя новыми уровнями информации.

К размышлениям о повторных биографиях очень располагают биографии Уильяма Шекспира. Русскоязычный читатель знаком с переводными изданиями книг Г. Брандеса, Ф. Холлидея, С. Шенбаума, Э. Берджеса, П. Акройда. Но при всем интересе к зарубежным исследованиям за знаниями о Шекспире традиционно обращались к работам отечественных шекспироведов. Источником биографических сведений служили вышедшие в серии ЖЗЛ «Шекспир» М.М. Морозова в 1947 г., «Шекспир» А.А. Аникста в 1964 г. и – после длительного перерыва – «Шекспир» И.О. Шайтанова в 2013 г. Что дал отечественному шекспироведению перерыв в полвека?

Между текстом середины XX века и текстом начала XXI стоит эпоха, трансформировавшая мировую литературу по целому ряду параметров. Биография – жанр на стыке документальной и беллетристической литературы [см. 15] – не только не избежала этой уча-

сти, но и достаточно успешно отразила тенденции постмодернизма, а также его преодоления. В силу своей bipolarности жанр вынужден сохранять константы, не теряя из виду документальную основу повествования, и в то же время адаптироваться к изменению формы и содержания. Как показывает практика, жанр лоялен к экспериментам: вполне конкурентоспособны биографии в виде комикса («графический роман» о Стиве Джобсе [24]), биографии города (с таким подзаголовком только о Лондоне вышли книги Кристофера Хибберта, Бернара Удена и Питера Акрайда), биография без хронологической подачи событий [14] и др.

Биография Шекспира по своей природе идеально ложится в постмодернистское русло. Она распадается на фрагменты, загадывает загадки, вызывает на вариативность и открыта как с точки зрения неконечности шекспировского канона, так и с позиции постоянного пополнения и отсеивания документов. Материал шекспировской жизни – идеальная база для создания самого ненадежного нарратива, что приходит в оппозицию с сутью биографии – «осмыслиением истории жизни личности» [17, с. 91]. Возможно, это противоречие является одной из причин разночтения одних и тех же фактов и, как следствие, порождения многочисленных биографий и псевдobiографий Уильяма Шекспира. До постмодернизма не могло появиться биографии, в которой автор предлагает читателю перейти из оппозиции «говорящий – слушающий» к диалогу, задавать все шекспировские вопросы, отмечать разные точки зрения, вступать в полемику, давать вариативные ответы, не называя свою точку зрения и позволяя себе сомневаться. Сегодня мы держим ее в руках. Наконец-то читателю позволено узнать, из каких кирпичиков складывается эта биография, увидеть неприглашенность и неопределенность фактов, неясность документов, нечитабельность почерков, ненадежность свидетельств – И.О. Шайтанов приглашает вместе разбираться в разрозненных материалах, ведет нас туманными дорожками догадок, удерживая, правда, на твердой почве научности, что, конечно, не просто, учитывая, какие возможности к интерпретации открывает биография Шекспира.

Задача исследователя – собрать калейдоскоп. Памятая, что смотреть в него будет читатель. Недаром И.О. Шайтанов предупреждает: «что полезно для биографа, бывает очень вредно для читателя, которому очередная версия предлагается как истина в последней инстанции» [20, с. 6]. Свою же задачу российский литературовед видит (в т.ч.) в *приближении* «к тайне величайшего гения» [20, с. 13]. Новый «Шекспир» – очевидный продукт сознания XXI века, перешагнувшего кризис глобализации, большие теории, альтернативные истории, постмодернизм, новый историзм, но отразившего их опыт и достижения.

Уже беглый просмотр книги позволяет заметить, как изменилась модальность биографического текста. Если в 1947 г. можно было утверждать, что «с семилетнего возраста Шекспир ходил в «грамматическую школу» [13, с. 10], то в 2013 г. эта же мысль звучит иначе: «Шекспир не мог не посещать грамматическую школу в силу социального положения своей семьи» [20, с. 47]. В эпоху сомнений текст также осторожен:

«быть может», «вероятно», «кажется», «если» рассыпаны по страницам. Нарратив наполнен вопросительными и условными предложениями. Вопросы, а не утверждения предваряют многие разделы книги: После школы: у мясника или в суде? Браконьер? Католик и учитель? О том, что и кем могло быть украдено; Если первой была хроника; Если первым был «Тит Андроник»; Чем заполнить паузу? Какая из комедий могла быть первой? Если Джон Донн ходил в театр... Комедия для неизвестно чьей свадьбы и др.

Рука об руку с осторожностью текста идет доказательность. У читателя в руках не привычный по советским временам монолог, где автор уверенно излагает свое видение чужой жизни. В 1964 г. А.А. Аникст (не забыв о благодарности предшественникам в начале книги и о хорошей библиографии в конце) написал биографию как цельную историю на одном дыхании, историю авторскую, и автор один – Аникст. Текст И.О. Шайтанова несет печать постмодернистского опыта: любое утверждение ведет за собой страницы комментария, каждая фраза нагружена значениями предшествующих текстов и отмечена осознанием своего знания. «Уильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года в Стрэтфорде-на Эйвоне в семье перчаточника. Эта фраза привычно и уверенно открывает шекспировскую биографию, но все ли в ней абсолютно достоверно?» [20, с. 16] Сегодняшний исследователь, как влюбленный у Умберто Эко, вынужден признаваться Шекспиру в любви, ссылаясь на других шекспироведов.

Доказательность одновременно и залог успешности биографии. Чего бы ни касалась биография – дороги в школу, изучения латыни, ежегодных поездок в Стрэтфорд, открытия «Глобуса», выдачи сукна на ливрею – сознательно заняв фактологическую позицию, И. Шайтанов комментирует и аргументирует как значительные, так и мелкие события. Книга цитирует или упоминает документы, значимые для установления даты, автора, места постановки, регистрации пьес. Такая педантичность радует специалистов и необходима в книге-ответе, книге-диалоге, хотя вряд ли упрощает чтение. А ведь биография помещена в серию ЖЗЛ и, значит, предполагает самый широкий круг читателей. В сравнении с имеющимися у русскоязычного читателя шекспировскими биографиями данная явно тяготеет к узкоспециализации.

Биографический жанр в принципе чувствителен к дилемме «научность – популярность». Удивительно, что при общем стремлении литературного текста к упрощению языка, фанфику, массовой культуре, биография шагает в обратном направлении. В предисловии к русскому переводу книги Макса Коха «Шекспир» Н.И. Стороженко отмечает, что «Кох намеренно избегает специальных исследований» [9, с. 1]. В последних шекспировских биографиях (за исключением, пожалуй, Стэнли Уэллса) такие намерения не прослеживаются, как и в целом ряде других писательских биографий. Например, Г. Аросев в рецензии на книгу «Станиславский» замечает, что Кречетоватеатровед расставляет акценты с точки зрения своего интереса, «изредка вставляя целые страницы, посвященные истории русского театра. Все это действительно интересно, но узкоспециализировано»

[3, с. 394], и упрекает ее в «излишней научности книги» [3, с. 395]. На наш взгляд, узкоспециализированность сегодня есть обратная сторона достоверности. Биография должна быть авторитетной, заявляют шекспироведы, собирая подписи, завещание, письма, свидетельства графологов, краеведов, мемуаристов, ранних биографов, юристов, охотников. Неискорененному читателю грозит опасность завязнуть в текстологических изысканиях. Исследование Шайтанова если и не ориентировано в основном на литературоведов, то, во всяком случае, предполагает определенный багаж знаний у читателя и способность к анализу и синтезу прочитанного.

О том, что доказательность является залогом успеха биографа, свидетельствует судьба книги Сэма Шенбаума, поставившего надежность нарратива во главу угла: «Эта книга является документальной биографией. Этим она отличается от бесчисленных популярных книг о жизни Шекспира, где факты дополнены авторскими умозаключениями, гипотетическими реконструкциями или критическими толкованиями пьес и стихов» [22, с. 24]. Несколько дальше шекспировед поясняет, от каких популярных книг он отмежевывается, с видимым удовольствием цитируя пассажи Энтони Берджеса о двух Энн, чтобы потом обозвать это толкование вымыслом «цветистым и безвкусным» [22, с. 127]. Взамен любовного треугольника С. Шенбаум тут же предлагает читателю перечень всех близлежащих церквей для установления места, где был заключен брак Шекспиров [22, с. 129–131]. О занимательности этой работы трудно говорить, особенно в сравнении с работой Питера Акройда, с первой страницы поражающей «растертыми заячьими мозгами, которые в Уорикшире обычай предписывал давать новорожденному» [1, с. 15].

Работа И.О. Шайтанова, несомненно, многим обязана С. Шенбауму, однако документальной биографией в чистом виде не является. Отдавая предпочтение первому, автор не забывает и о других главных принципах, провозглашенных редакцией ЖЗЛ еще в 1950 г.: «научной достоверности, высоком литературном уровне и занимательности» (из предисловия к каталогу ЖЗЛ 1890–2010). Он смягчает сухость фактов жизнью повествования, прекрасным слогом, богатым словарем, сравнениями, аллюзиями, иронией и саморонией. Развлекает читателей «вставной новеллой» (балладой?) о браконьерстве, в главе об «утраченных годах» в духе Джона Фаулза практически предлагает читателю самому выбрать занятие для юного Шекспира. И даже будто принимает правила детектива, ставшие нормой для антистрэтфордианских трудов (частично тоже в силу постмодернистского давления), но исключительно формально – детективная составляющая структурирует текст более интересно, нежели хронологическое перечисление фактов/сухая хронология. Читателю даже предлагают поучаствовать в расследовании, проанализировать «улики» и «допросить свидетелей». Но, конечно, в конце книги не выскакивает, как чертик из табакерки, очередной Ретленд, и жанровое заигрывание оборачивается сквозной иронией по отношению к антистрэтфордианцам, которые не пощадили сил и времени на расшатывание жанровой границы между беллетристикой и документалистикой, где биографии и без того нелегко балан-

сировать: «Трудно себе представить, как процесс театральной работы мог бы проходить, если бы автором шекспировских пьес был не он, а кто-то из предлагаемых на его место графов, живших то при дворе, то в поместье, то в Италии, то сидевших в Тауэрсе. По мобильной связи? А вся труппа, конечно, ни сном ни духом не подозревала о подлинном авторстве или коллективно хранила секрет. Актеры – самый подходящий для этого народ» [20, с. 91]. Грань между научной и художественной биографиями сегодня стерта еще и в результате того, что крайне занимательное *бытописание* было в прошлом веке возведено в ранг серьезных научных достижений.

Пишувшего о Шекспире в XXI в. неизбежно накрывают две волны: шекспировский вопрос и новый историзм. Стивеном Гринблаттом и многими вслед за ним эпоха Возрождения была избрана как арена практического приложения творческого потенциала. Такое внимание вдохнуло жизнь и стимулировало находки в собственно шекспироведении и обогатило последнее богатым полевым материалом. Но в то же время новый историзм значительно усложнил проблему выбора методологии, вынуждая балансировать между литературой и культурой и при этом получать отчетливый литературоведческий результат. Антистрэтфордианцы разрушили методологический гордиев узел мечом деконструкции, увлекшись поисками логических нестыковок. Стрэтфордианцы в большей или меньшей степени отклинулись на вызов нового историзма, вычитывая жизнь Шекспира равно в лингвистических и экстралингвистических источниках.

Стоит вспомнить, что новый историзм не вдруг обнаружил, что у Шекспира были современники, которые писали письма, наговаривали на соседей и одолживали друг другу деньги. Еще Н.И. Стороженко хвалил за такого рода наблюдения немецкого шекспироведа в предисловии к изданию 1888 г., только метод называл по-другому: «Выходящая в русском переводе книга магдебургского профессора Макса Коха занимает особое положение в обширной шекспировской литературе. Это, сколь нам известно, единственная биография Шекспира, в которой строго проведена культурно-историческая точка зрения» [9, с. I]. Георг Брандес в 1895 г. развивает бытовой уровень биографии: убранство домов, режим дня, костюмы, вид лондонских улиц и подобные живописные детали помогают представить Шекспира не гением вне времени, каким он безусловно является для нас и так, но обычным человеком, который не пользовался вилкой и не курил табак [4]. Принцип историзма имеет солидную собственную историю, а его «новизна» состоит в выявлении «истоков индивидуального опыта личности в обстоятельствах окружающей его эпохи» [17, с. 91]. В принципе, усиленное внимание к предметно-бытовому естественно вытекает из заявленной Гринблаттом текстуальности истории. И в практическом приложении часто означает смешение акцентов с масштабных абстракций на мелкие, мелочные, обыденные, частные предметы, которые, тем не менее, способны приблизить фокус зрения к объекту и выяснить его в новой сущности. Как метко выразился А. Эткинд, «новый историзм ищет в тексте... воплощения ситуативных проблем автора и его времени» [26].

Вместо общих формулировок, пространных экономико-исторических очерков об экономико-политическом положении Англии, отдельных вставных биографий Елизаветы Тюдор, Марии Стюарт, Ф. Сидни, К. Марло, Ф. Бэкона, Ф. Дрейка и др. шекспироведы «дали эпохе говорить самой» [12, с. 6], приблизили линзу к стрэтфордским улицам, лондонским окраинам, конкретным семьям, профессиям и, следовательно, конкретному человеку, что, помимо информативности, плодотворно сказалось на литературности и занимательности биографического жанра. Кроме того, новоисторическое стремление интерпретатора к «культурному переводу» в значительной степени позволяет нам в XXI веке понять Шекспира, который не является нашим современником, и его произведения, которые современны всегда, и приблизиться к пониманию того, как же это все-таки возможно. Удачным примером применения опыта нового историзма, на наш взгляд, стала книга Питера Акройда «Шекспир. Биография». У П. Акройда нет Армады, огораживаний, чужих биографий и Африканской компании, зато есть точнейшее описание герба сэра Люси с расшифровкой. Есть список стрэтфордских соседей Шекспиров, которые поженились также поспешно, в ожидании ребенка, в обход обычной процедуры. Есть описание уорикширского обряда, когда мужчина и женщина приносили клятву верности (*troth-plight*), после которого считались парой еще до церемонии бракосочетания, а также цитаты из «Меры за меру», где есть слова этой клятвы, которые для непосвященного читателя сегодня (и уж тем более для читателя перевода) не обладают всей смысловой нагрузкой. Шекспир Акройда живой, а чтение вкусно и увлекательно.

Но надо признать, биография как жанр сопротивляется принципам нового историзма, поскольку склонна к созданию целостной картины жизни, а новый историзм ее фрагментаризует. Поэтому биограф либо сознательно должен идти по пути создания некоторого отрезка из жизни писателя (например, год из жизни Пушкина [16]), либо выделить несколько отрезков, которые ложатся в его интерпретацию, либо, выбирая целостность, отказаться от метода нового историзма как основного, что не мешает использовать его как дополнительный метод. Кроме того, биография, избегающая широкого исторического контекста, стремится к маргинализации и скорее претендует на дополнительное чтение, чем на основной источник информации. В контексте целого пласта шекспировских биографий, существующих в Англии, и высокой степени осведомленности в этом вопросе английского читателя биографии типа акройдовской имеют право на существование и, более того, занимают отдельную нишу, находя благодарного читателя. В условиях, когда создание новой биографии ожидается полвека, эпизодических очерков недостаточно, требуется фундаментальная работа.

Новый русский «Шекспир» является целостной работой, удачно сочетающей крупномасштабное изображение эпохи (позволяющее понять движение гуманитарной мысли, представить человека среди окружающих его условий времени) и повышенное внимание к деталям быта, нравам, культурным знакам, к едва заметным следам человека, чья биография созда-

ется: «Любопытно, в какой мере уорикширский диалект и акцент (достаточно отчетливый даже в наше время) сохранялся в живой речи драматурга?» [20, с. 194]. Чего в этой биографии нет, так это знакомого нам по школьным учебникам Возрождения с титанами и идеалами. Нет также эпического пафоса с названиями глав вроде «Эпоха», «Предшественники». Обращают на себя внимание разделы об истории театра, театральных и литературных жанров, судьбе театральных зданий (об их устройстве, строительстве, расположении, обстоятельствах возникновения и исчезновения, причинах большей или меньшей популярности), театральных постановках, составе и взаимоотношениях трупп [20, с. 72–90, 306–314]. Из инструментов «нового историзма» в новом «Шекспире» особенно впечатляет постоянное видение текста в жизни, например: «Средства борьбы с чумой придумывали много – от снадобий до молитв и психологического противостояния: верили, что чума минует тех, кто весел и крепок духом. Отсюда – пир во время чумы, не метафора, а довольно частое явление» [20, с. 151]. В этом открывается истинный интерес автора книги – лингвистический.

Начиная от возвращения к первой (и отвечающей современным правилам перевода топонимов) норме орфографии «Стрэтфорд» вместо уже привычного «Стратфорд», книга демонстрирует внимание исследователя к слову в разных проявлениях. Явно прослеживается актуальная попытка привести к современным нормам перевода имена собственные, релевантные для биографии Шекспира и очень произвольно переводимые на русский язык. Действительно, осознаются ли читателем как одна персона ряды Ролей – Рали – Роли, Гесве – Хесве – Хатауэй – Хэтеуэй, Риотсли – Раотсли – Ризли, живущие на страницах русских изданий? И.О. Шайтанов обращает внимание русского читателя на расхождения в объеме значений слов (*группа – company; teamp – stage – theatre, благородный – gentle*), объясняет принятые в шекспироведении понятия и термины и приводит их на двух языках (*суфлерская книга – promptbook, реконструкция по памяти – memorial reconstruction, расчленители – disintegrators*). В текст инкорпорировано большое количество полных и частичных цитат произведений елизаветинцев и документальных свидетельств. Внимание к слову, к тексту позволяет расставить интереснейшие акценты, например, начав разговор о проблемном поле трагедии «Гамлет» с сопоставления текстов «пра-Гамлете» и «Гамлете» 1600–1601 гг.

Собственно пьесам и их интерпретации в книге отводится очень много места, что необычно для западноевропейских биографий, но традиционно для русских, хотя Лотман считал, что «смешение этих двух типов книг – биографии автора и анализа им созданных произведений – редко приводит к удаче» [11, с. 228]. Но для И.О. Шайтанова обращение к пьесам – не уход от биографии к творчеству, а призыв к читателю обратиться *непосредственно* к тексту при размышлении о том, «что же сделал Шекспир», чтобы создать мировые шедевры [20, с. 341].

Разговор о биографии и творчестве под одной обложкой неизбежно приводит к камню преткновения биографики – вопросу о допустимости интерпретации

творчества через биографию и наоборот. С одной стороны, обычной практикой является поиск отражения событий жизни в работах писателя. Очевидно, что изучать наследие писателя без обращения к фактам жизни в полной мере невозможно. Было бы странно оспаривать научность размышлений о том, отразилась ли смерть 11-летнего сына Гамнега в творчестве его отца, даже при получении разных результатов. И.О. Шайтанов разделяет мнение Джеймса Джойса (точнее, его героя Стивена Дедалуса) и видит тень отцовских страданий в описании последних часов и мученической смерти юного Артура в «Короле Иоанне». А можно ответ на смерть сына увидеть в строках II части Генриха IV, где жена Нортумберленда обвиняет его в смерти сына (II, 3) [1, с. 404]. И в «Зимней сказке» поведение отца также становится причиной катастрофы. С другой стороны, совершенно иное отношение сложилось к противоположной стратегии. Против считывания биографических фактов с творческих ресурсов предупреждал Винокур: «Литературный текст не может рассматриваться как достоверный источник биографических сведений» [5, с. 58]. «Нельзя, например, из того факта, что Шекспир описал в “Укрощении строптивой” своюенравную женщину, делать вывод, как это пытались делать некоторые биографы, что жена его, Анна Шекспир, отличалась своеенравием» [13, с. 238]. И.О. Шайтанов также стоит на той позиции, что биография не подкрепляется и не доказывается текстом произведений: «Можно ли признать, что более убедительные результаты дал поиск в пьесах намеков на сэра Люси и мотива браконьерства? А мотив этот проявляется неожиданным образом в первой же шекспировской трагедии <...> Следут ли из этих слов, что Шекспиру приходилось также воровать у мельника или хлебопека?» [20, с. 64]. Рассмотрение художественного творчества в качестве источника биографических сведений чревато фантазиями, однако надо признать, что история шекспироведения не демонстрирует полного отстранения биографии от произведений. Исходя исключительно из художественных произведений, только ленивый не упрекал Шекспира в предвзятом отношении к евреям, гомосексуалистам, женщинам или иностранцам. И серьезные шекспироведы привлекали и привлекают текст в качестве доказательства биографических фактов за недостатком оных [2, с. 29–30, с. 51]. Но вряд ли обычным делом можно считать ту степень свободы, с которой читают сонеты и многострадальный честеровский сборник антистрэтфордианцы.

Многие биографы изящно отмахиваются от недостойных внимания измышлений, как французские шекспироведы Ж.-М. и А. Маген: «Есть область, которую этот труд избегает. Это полемика вокруг авторства произведений шекспировского канона. В течение долгого времени любители исторических загадок, тайных кодов и замысловатых ключей наслаждались этим вволю и еще будут продолжать это делать. Занятие это, поскольку может доставить им удовольствие, по здравому размышлению довольно невинно. Мощные маяки привлекают всякого рода корабли: такие как сторонники графа Оксфорда, Френсиса Бэкона, королевы Елизаветы I и т.д. Если они пренебрегают сопоставлением информации из первоисточника

Фолио 1623 г., первого интегрального издания драматических произведений, со сведениями, например, из завещания, это их дело. Мы желаем им удачи. Они никогда не перестанут вызывать симпатии у значительной части читателей, страждущих сенсационных откровений, построенных вопреки здравому смыслу» [12, с. 6]. Другие уделяют т.н. «шекспировскому вопросу» незначительную часть своего труда, чтобы продемонстрировать осведомленность и отчетливо обозначить свою позицию. Так М.М. Морозов отводит главе «Вопрос об авторстве» девять страниц: «Хотя эта проблема, возбудившая одно время страстные споры, и не имеет серьезного основания, мы не можем обойти ее молчанием» [13, с. 229]. Но надо признать, что рано говорить о ней в прошедшем времени.

«Шекспировский вопрос», пусть и имеет старые корни, расцвел на почве постмодернизма. Вполне логично, поскольку именно постмодернизм оперирует такими понятиями, как когнитивный релятивизм, затак больших нарратив, деконструкции, принципиальный плюрализм, пересмотр исходных презумпций. Место истины в традиционном понимании занимают игры истины, самодостаточные в своей плюральной процессуальности и не результирующиеся в истине как финальной величине. На наш взгляд, игры истины (вне зависимости от осознания авторами своего участия) не могли не затронуть шекспировскую биографию (об особенностях которой выше) во второй половине XX века и представляются закономерным движением. На постсоветском пространстве восторжествовали чудесным образом соединенные ощущения новизны постмодернизма и обретенной идеологической свободы. Движения детерриториализации и дестратификации книги как таковой захватили многих российских литературоведов во главе с И.М. Гилиловым, а также многочисленных любителей детективов.

Поскольку эти тенденции были объективно обоснованы, оставалось только переждать антистрэтфордианскую волну в российском шекспироведении и посмотреть, что же мы имеем в сухом остатке. Сегодня, за пределами постмодернизма, можно увидеть его достижения и проигрыши, а заодно оценить реальные шансы на жизнь целой плеяды великих бардов, сотворенных желающими поиграть в истину. Версии рассыпались, как карточный домик, иногда благодаря стрэтфордианцам, но чаще – апологетам очередного претендента, которые не упускали возможности пнуть друг друга в пылу спора: «Между тем рэтлендианцу (в том числе и Гилилову) пристало бы дать рэтлендианские ответы на главные в “Сонетах” вопросы <...> Здесь Гилилов и вовсе не имеет своего мнения» [18, с. 53]. Многие аргументы И.М. Гилилова [6], С.А. Степанова [18], Ф.П. Шипуллинского [23] сводятся к вольной трактовке текстов: *manners* – не манеры, а Мэннерс – родовая фамилия Рэтленда [18, с. 53]. А некоторые шекспироведы вообще ставят себя выше доказательств, объявляя, что «эта третья версия с Божьей помощью явилась взору авторов этих строк» [8, с. 8], или дистанцируясь от них жанрово, как Ольга Кувшинникова, автор «биографического романа» о Мэри Фиттон, фрейлине Елизаветы и заодно Смуглой леди сонетов (без аргу-

ментов, хотя некоторые соображения по этому поводу в шекспироведении действительно существуют) [10].

Оказалось, что плюральность поисков автора шекспировского канона не вылилась в создание некоей альтернативной устойчивой структуры: полученные результаты взаимоисключительны. Очевидно, шекспировский вопрос исчерпал себя: все возможные кандидаты названы, но ни одному апологету не удалось привести достаточно доказательств, лишь посмеяться над чужими. Однако в свете распространенности версий, транслированных в массы, читатель ожидает вразумительных объяснений и от традиционного шекспироведения. Особенно в России, где в последние десятилетия количество написанных антистрэтфордианских биографий перекрыло стрэтфордианские, и уже чуть ли не хорошим тоном считается иронично-отстраненное «некто Уильям Шекспир» [18, с. 6] и гордый «отказ от постулатов шекспироведения» [18, с. 7].

В этом ключе актуальность нового «Шекспира» трудно переоценить. Исследователь последовательно расставляет точки над i. Предполагает, куда пропали из завещания рукописи и книги, указывает на существование образца почерка драматурга, приводит свидетельства У. Давенанта, Р. Грина, Б. Джонсона и др., рассуждает о том, умел ли писать мэр Стрэтфорда, может ли гений хорошо зарабатывать, оценивает школьные познания в латыни, их необходимость в успехе пьес, доступность источников сюжетов, сравнивает количество информации об эйвонском лебеде и о других елизаветинских драматургах... В «Шекспире» отдельные фразы и даже разделы звучат как ответы на чужие реплики. Книга и начинается, и заканчивается спором с антистрэтфордианцами, но в отличие от них избегает пафоса разоблачения. Многие контраргументы скромны, но все вместе создают полно реальной жизни. Основной же аргумент против любителей «шекспировского вопроса», на наш взгляд, не связан ни с бытовыми подробностями, ни с количеством подписей: «Антистрэтфордианцы (судя по тому, что они пишут) если и читают Шекспира, то с целью обнаружения в его текстах тайного шифра или явного плагиата. Ищущий находит то, что искал, но пропускает все остальное» [20, с. 7].

В своей книге И.О. Шайтанов ведет диалог не только с антистрэтфордианцами, но и с представителями традиционного шекспироведения, между которыми тоже не всегда есть понимание. Много копий сломано на почве соотношения факта и вымысла в интерпретации жизни личности. В биографии Шекспира эта проблема усложняется ничтожно малым количеством документальных свидетельств, отчего возникает соблазн «позволить себе расширить сферу рассмотрения настолько, чтобы включить в нее апокрифические истории и легенды, так или иначе возникающие вокруг имен великих людей сразу же после их смерти» [22, с. 25]. Таким образом, работа биографа превращается в сизифов труд: филологи неустанно стремятся к тому, чтобы собрать свидетельства жизни Шекспира, и к тому, чтобы очистить ее от чужих элементов.

Легенды – единственное, чем мы пока располагаем, пытаясь заполнить «утерянные годы». Даже само это понятие наполнено разным объемом. Мы не име-

ем никакими документальными сведениями о жизни Шекспира с 1585, когда родилась двойня, и до 1592, когда Шекспир упоминается Р. Грином как драматург. А некоторые ученые растягивают «утерянные годы» на весь период с 1564 по 1592, поскольку мы все равно знаем лишь о браке и рождении детей, но не о рода занятий и источнике доходов [27]. Каждому биографу Шекспира предстоит заполнить эту лакуну своей версией, по сути, вымыслом, опираясь исключительно на легенды. Самая известная и старая – легенда о браконьерстве – была упомянута со слов Беттертона первым биографом Николасом Роу в 1709 г. и подтверждена священником Ричардом Дэйвисом (Davies). История о незаконной и потому преследуемой охоте на оленей уже не воспринимается, собственно, как легенда, и с доверием воспроизводится даже Эдмундом Чемберсоном. Лишь в последнее время возникли сомнения относительно ее правдивости и времени возникновения, так как выяснили, что угодья сэра Люси не имели заповедного статуса и что баллады в действительности были написаны в XVIII в. В разделе «Браконьер?» текстологический подход позволяет читателю самому увидеть истинные корни этого красивого объяснения бегства в столицу. Свое мнение И.О. Шайтанов оставляет в тени, замечая: «С равным успехом можно предположить, что из мотива, мелькнувшего в ранней пьесе, была выведена сплетня и сконструировано биографическое событие. Неисповедимы пути слухов и биографических анекдотов. Они так же легко могли быть сплетены из мотивов, обнаруженных в пьесах, как предполагаемые ими события – породить эти шекспировские мотивы» [20, с. 65]. Туже позицию И.О. Шайтанов занимает относительно всех использованных в биографии легенд: учительства в Ланкашире, монологов над трупом теленка, бидфордских пьяниц, сопровождения лорда Лейстера в Нидерландах в качестве шута либо поездки в Шотландию и т.д. Причина такого прохладного отношения к легендам ясна: если им верить, то Шекспир после школы мог провести несколько лет сельским учителем, перчаточником, резчиком, аптекарским учеником, писцом у адвоката, помощником садовника, адвокатом, матросом и типографщиком – выбирай на вкус! А анекдот о королеве, милостиво роняющей Шекспиру перчатку во время представления, не выдерживает вообще никакой критики.

Очень близко к легендам по степени достоверности подходят неясные свидетельства, позволяющие двоякие трактовки. Так, например, нет отчетливой информации о причине обнищания Джона Шекспира. Его объясняют либо упадком торговли шерстью (основываясь на том, что в 1590 г. граждане Стрэтфорда обратились к лорду-канцлеру казначейства с петицией, в которой жаловались, что город пришел в упадок из-за оскудения суконной и прядильной промышленности), либо католическими убеждениями отца драматурга (основываясь на его «духовном завещании» под стропилами дома). И.О. Шайтанов предпочитает психологическое объяснение экономическому: «Упорный нонконформизм выглядит единственным имеющимся в нашем распоряжении объяснением его разорения, прервавшего образование его сына Уильяма» [20, с. 37]. Эта версия хорошо объяс-

няет и бегство из Стрэтфорда, и ланкаширское учи-тельство, позволяя отойти от браконьерства.

К кривотолкам очень, признаюсь, располагает и вторая по качеству кровать вкупе с желанием Анны Хэтеуэй быть похороненной в одной могиле с мужем, и отсутствие книги и рукописей. Существует столько измышлений на основании слухов, что, кажется, проще и лучше отринуть сразу все. Но случается, правда, что сомнительные легенды вдруг неожиданно находят документальное или вещественное доказательство. Так восточное крыло дома на Хенли-стрит издавна было известно как «мастерская по переработке шерсти». Однако все недоумевали, откуда взялась переработка шерсти у перчаточника Джона Шекспира и почему в 1709 г. Н. Роу называет Джона Шекспира «известным перекупщиком шерсти», а в начале XIX в. хозяин этого дома уверял, что под полом нашел остатки шерсти. И только в XX в. обнаружились материалы судебного дела 1599 г., где Джон Шекспир обвинял своего делового партнера в неуплате двадцати одного фунта стерлингов за 21 тонну шерсти. Они подтвердили правоту ранних биографов и создали прецедент в отношении шекспировских легенд. Такие удачи заставляют исследователей подробно изучать, комментировать, интерпретировать все свидетельства, чтобы не упустить шанс отделить зерна от плевел.

Подобные комментарии И.О. Шайтанова позволяют читателю уловить ускользающий образ «gentle Shakespeare». Его Шекспир – вполне «русский», он вписывается в наше традиционное представление о великом английском драматурге, он не шокирует и не эпатирует, но благодаря стараниям автора становится гораздо человечнее и понятнее. Книга сообщает читателю определенное видение личности, составляет впечатление энергичного, решительного, любебильного, внешне спокойного, благородного человека с отличным чувством юмора, склонного, «не обнаруживая своего присутствия», оставаться наблюдателем окружающей жизни [20, с. 449] и из своих наблюдений создавать гениальные произведения. Характер, творчество, история, нравы – отдельные аспекты биографии, будучи сложены вместе, создают определенную картину, целостную в той степени, насколько это возможно в условиях релевантности истории, бытия и шекспировской биографии. В той степени, которая, с одной стороны, удовлетворяет сегодняшние запросы читателя, с другой стороны, оставляет открытыми двери для новых исследований: тайны гения, жанровой эволюции, анализа текста, новых переводов...

За те полвека, что российское шекспироведение размыщляло над новым Шекспиром, биография вышла на новый виток развития. Жанр выбрал и переработал опыт постмодернизма, трансформировался и в своем новом качестве вызвал небывалый ранее интерес. Этот интерес можно объяснить переосмыслением личностных ценностей при смене парадигм и желанием опереться на совершенный образец в неустойчивую эпоху смены веков. Это также реакция на не оправдавшую себя теорию смерти автора. Утверждение А. Эткенда, справедливое по отношению к XX в., постепенно утрачивает актуальность: «По мере того, как тексты размыкают свои границы и включаются в гипотетический интертекст, анализ перестает нуждаться

в индивидуальном авторе. Так одним из последствий новой гуманитарной утопии стало избегание индивидуальности. Значение биографии и психологии автора (а также героя или читателя) стало модным скорее отрицать, чем подчеркивать» [26]. Сегодня мы отмечаем реверсное движение – поиск героя, образца, гения. При этом традиционные задачи жанра не теряются из вида. Биография сохраняет поучающее воздействие, формирует мораль, устанавливает образцы поведения и ориентирует в ценностной системе, возможно, даже в большей степени, чем раньше, поскольку эти функции были частично потеряны другими областями гуманитарного знания: историей и литературой. В неосознанную и необозначенную эпоху после постмодернизма гуманитарная мысль перефокусировалась с глобальных процессов на субъект, а морализаторская функция перешла от больших нарративов к частной истории и тексту, которые органично смыкаются в биографии.

Можно пойти дальше и заявить, что автор вообще никогда не терялся в русском дискурсе. Его авторитет нет необходимости восстанавливать, поэтому так легко строит И.О. Шайтанов диалог не только с антистрэтфордиантами и читателями, но и с предшественниками. В ситуации, когда каждая последующая биография является частью интертекста и в зависимости от компетентности и открытости автора несет определенную нагруженность аллюзиями на своих предшественников, И.О. Шайтанов отдает должное не только английскому источнику. Он комментирует бахтинскую трактовку Шекспира, цитирует А.Н. Веселовского и Л.Е. Пинского, рассыпает пушкинские и гоголевские аллюзии. Это то, чего нет нигде и что делает Шекспира «русским Шекспиром», поскольку без осознания, признания и освоения чужого опыта внутри своего нет дальнейшего развития. Все это делает «Шекспира» не просто блестящей биографией, а явлением российского литературоведения и шире – культуры.

Литература

1. Акройд, П. Шекспир. Биография / П. Акройд. – Москва: КоЛибри, 2010. – 734 с.
2. Аникст, А.А. Шекспир / А.А. Аникст. – Москва: Молодая гвардия, 1964. – 368 с. – (Жизнь замечательных людей).
3. Аросев, Г.Р. Кречетова. Станиславский / Г. Аросев // Вопросы литературы. – 2015. – № 5. – С. 394–395.
4. Брандес, Г. Шекспир. Жизнь и произведения / Г. Брандес // Гений в искусстве. – Москва: Алгоритм, 1997. – 734 с.
5. Винокур, Г.О. Биография и культура / Г.О. Винокур // Лингвистическое наследие XX века. – Москва: ЛКИ, 2007. – 97 с.
6. Гилилов, И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса / И. Гилилов. – Москва: Междунар. отношения, 2001. – 509 с.
7. Измайлова, М.И. Историческая биография: опыт и закономерности (на примере серии ЖЗЛ) / М.И. Измайлова // Царскосельские чтения. – 2014. – Т. 1. – № XVIII. – С. 64–72.
8. Козминиус, О. Шекспир. Тайная история / О. Козминиус, О. Мелехций. – Санкт-Петербург: Нева, 2003. – 572 с.
9. Кох, М. Шекспир / М. Кох; предисл. примеч. и доп. Н.И. Стороженко, проф. Моск. ун-та. – Москва: В.Н. Маркуев, 1888. – [2], V, [3], 6–472, VIII с.

10. Кувшинникова, О.В. Шекспир и Смуглая леди: биография любви / О. Кувшинникова. – Москва: Алгоритм-Книга, 2007. – 236 с.
11. Лотман, Ю. Биография – живое лицо / Ю. Лотман // Новый мир. – 1985. – № 2. – С. 227–242.
12. Маген, Ж.-М. Шекспир / Ж.-М. и А. Маген. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 447 с.
13. Морозов, М. Шекспир / М. Морозов. – Москва: Молодая гвардия, 1947. – 280 с.
14. Паньков, Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина / Н.А. Паньков. – Москва: МГУ, 2009. – 721 с.
15. Померанцева, Г.Е. Биография в потоке времени. – Москва: Книга, 1987. – 335 с.
16. Седова, Г.М. Биография и творчество А.С. Пушкина: последний год / Г.М. Седова. – Санкт-Петербург, 2010. – 44 с.
17. Соболевская, О.В. Биография / О.В. Соболевская // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – Москва: Интелвак, 2001. – С. 91–92.
18. Степанов, С.А. Шекспировы сонеты, или Игра в игре / С. Степанов. – Санкт-Петербург: Амфора: Седов, 2003. – 549 с.
19. Тэн, И.-А. Шекспир / И.-А. Тэн. – Одесса: Г. [Бейленсон и И. Юрловский], 1894. – I. Введение; Биография Шекспира; Его стиль. – 36 с.
20. Шайтанов, И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 474[6] с. – (Жизнь замечательных людей).
21. Шекспировская энциклопедия / под ред. Стэнли Уэльса при участии Джеймса Шоу. – Москва: Радуга, 2002. – 270 с.
22. Шенбаум, С. Шекспир / С. Шенбаум; пер. с англ. А.А. Аникста, А.Л. Величанского; вступ. ст. А.А. Аникста. – Москва: Прогресс, 1985. – 432 с.
23. Шипулинский, Ф.П. Шекспир – Ретленд. Трехвековая конспиративная тайна истории / Ф.П. Шипулинский. – Москва: URSS; ЛиброКом, 2014. – 181 с.
24. Хартленд, Д. Стив Джобс. Дико крутой: графический роман / Д. Хартленд. – Москва: ACT Corpus, 2016. – 235 с.
25. Холиков, А. Биография писателя как жанр / А. Холиков. – Москва: URSS: ЛиброКом, 2010. – 91 с.
26. Эткинд, А. Новый историзм, русская версия [Электронный ресурс] / А. Эткинд // НЛО. – 2001. – № 47. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html>
27. Honigmann, E.A.J. Shakespeare: The ‘Lost Years’ / E.A.J. Honigmann. – Manchester University press, 1998. – 192 p.

N.S. Zelezinskaya

SHAKESPEARE: COMMENTATED BIOGRAPHY

The article considers the newest changes in the bulk of writers' biographies. According to the researcher, the process of rewriting biographies reveals the most significant features of the genre in the 21st century. The tendencies discovered are as follows: variability, textuality and intertextuality, fragmentalization and its resistance, conditionality, multifacetedness. The biography strives to be open, historically true, detailed and experimental in form. Evidential requirement is seen as one of the most vital ones. The biography now is intended as a dialogue with the reader, with previous biographies of the person considered according to opponents and sources. The article views postmodernism as the catalyst of the changes mentioned and dwells upon the usage of the instruments of New Historicism, deconstruction, the notions of deterritorialization, the death of the author alongside with the reversed direction in the contemporary biography as Postmodernism turns into After-Postmodernism. The analysis of new biographies shows the traces of postmodernistic experience as well as the returning to the traditional targets and methods of the genre. The researcher exemplifies their ideas in relation to a number of Shakespeare's biographies written by European and Russian literary scholars. The greatest attention is given to *Shakespeare* by I.O. Shaytanov, which claims to reflect the main tendencies of the genre, setting high standards and demonstrating the perspective of its development.

Biography, genre, transformation, postmodernism, New Historicism, validity, W. Shakespeare, authorship problem.